

ПРОСВѢТИТЕЛЬ АЛТАЯ
АРХИМАНДРИТЪ МАКАРІЙ.

(Съ 1 портретомъ).

Очеркъ Вл. К—аго.

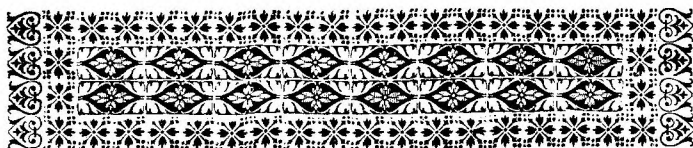
Издание 2-е.

—❧—
С.-Петербургъ.—1903 г.

Просвѣтитель Алтая Архимандритъ Макарій.

ПРОСВѢТИТЕЛЬ АЛТАЯ АРХИМАНДРИТЪ МАКАРІЙ.

I.

Поминайте наставниковъ вашихъ, которые проповѣдывали вамъ слово Божіе, и взирая на кончину ихъ жизни, подражайте вѣрь ихъ (Евр. 13. 7).

Сто лѣтъ тому назадъ, 8 ноября 1792 г., въ городѣ Вязьмѣ, Смоленской губерніи, у священника соборной Введенской церкви о. Іакова Глухарева родился сынъ, который былъ названъ Михаиломъ, въ честь празднуемаго въ этотъ день Архангела Михаила. Никто, конечно, не думалъ тогда, что этому ребенку суждено быть просвѣтителемъ дикихъ народовъ Алтая, въ Сибири *). Жизнь Михаила Яковлевича Глухарева, впоследствіи архимандрита

*) Алтайскія горы расположены въ южной части выѣшней Томской губерніи, на границѣ съ Семипалатинскою областью.

Макарія, полна назиданія; онъ какъ свѣтильникъ на верху горы> стоитъ и свѣтитъ всеѣмъ своимъ чистымъ, святымъ свѣтомъ. Взврая на этого избранника Божія, вмѣстѣ съ умиленіемъ сердечнымъ, чувствуешь и духовную радость о томъ, что, видимо, не забылъ Господь нашу отчизну и время отъ времени воздвигаетъ то здѣсь, то тамъ избранниковъ своихъ для наученія нашего и утѣшенія...

Юность Михаила Яковлевича текла обычнымъ путемъ: сначала онъ учился въ духовномъ училищѣ въ Вязьмѣ, затѣмъ въ духовной семинаріи въ Смоленскѣ. Жизнь не баловала юнаго Михаила Глухарева, хотя отецъ его жилъ въ городѣ, гдѣ было и училище; училище отстояло далеко отъ отцовскаго дома, уроки въ училищѣ были и утромъ и вечеромъ, такъ что ходить домой обѣдать мальчику почти совсѣмъ не удавалось, и очень часто онъ довольствовался лишь хлѣбомъ и картофелемъ, которыми запасался дома съ утра. Такъ съ юныхъ лѣтъ будущій просвѣтитель Алтая приучался къ труду и лишениямъ, съ которыми пришлось ему въ несравненно большей мѣрѣ спознаться впоследствии. Однажды учитель пригрозилъ наказать мальчика розгами (въ то время розги были въ большомъ употребленіи вездѣ въ училищахъ); Глухаревъ этою угрозою былъ такъ взволнованъ, что, идя

домой въ холодную погоду, всю дорогу проплакалъ, простудился и сильно занемогъ; прохворалъ онъ около полгода, едва оправился, но жестокая болѣзнь на всю жизнь оставила по себѣ слѣды: грудь его сдѣлалась очень слабой и голосъ тихимъ.

Въ 1813 году Михаилъ Яковлевичъ отлично окончилъ курсъ ученія въ Смоленской духовной семинаріи и былъ назначенъ учителемъ въ Смоленское духовное училище, но пробылъ здѣсь недолго. Въ слѣдующемъ году его, какъ бывшаго лучшаго ученика, отправили доканчивать образованіе въ С.-Петербургскую духовную академію. Въ академіи Михаилъ Яковлевичъ скоро показалъ себя умнымъ и талантливымъ студентомъ *). За его трудолюбіе и успѣхи въ наукахъ, а особенно за благочестіе и благоправное поведеніе, Михаила Яковлевича сильно полюбилъ тогдашній ректоръ академіи архимандритъ Филаретъ (впослѣдствіи знаменитый митрополитъ Московскій). Прозорливый и мудрый паставникъ велъ своего любимаго ученика «стропотными путями» (какъ выражался впослѣдствіи самъ Михаилъ Яковлевичъ): онъ былъ строгъ къ нему и взыскателенъ больше, чѣмъ къ другимъ, и этою своею строгостію воспиталъ и укрѣпилъ въ немъ кроткій и покорный нравъ.

*) *Студентами* называются учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

По окончаніи образованія въ духовной академіи (въ 1817 г.), Михаилъ Яковлевичъ былъ назначенъ инспекторомъ Екатеринославской духовной семинаріи, а вскорѣ, кромѣ того, и ректоромъ тамошняго духовнаго училища. Въ Екатеринославѣ такимъ образомъ Михаилу Яковлевичу пришлось начинать самостоятельную жизнь. Но не обладала она его и на этотъ разъ. Въ Екатеринославѣ начальствующіе и сослуживцы не полюбили Михаила Яковлевича за его честность, прямоту, правдивость и любовь къ своему дѣлу и воспитанникамъ. Время то было суровое: тогда не особенно заботились о томъ, чтобы какъ слѣдуетъ учить воспитанниковъ и чтобы жилось имъ хорошо. Учителя брали подарки и приношенія, особенно съ тѣхъ, кто были побогаче, и относились къ такимъ снисходительно. Ничего такого Михаилъ Яковлевичъ дѣлать не могъ. Онъ искренно желалъ добра своимъ питомцамъ, любилъ ихъ и былъ съ ними хотя и строгъ, но справедливъ. Никакихъ подарковъ онъ ни отъ кого не бралъ, и если кто приносилъ что-либо, сейчасъ же отправлялъ ученикамъ въ общежитіе. Нѣкоторые сердились на молодого инспектора и за то, что тотъ не давалъ имъ пользоваться казеннымъ добромъ. Прямота и правдивость навлекла на него гнѣвъ даже тогдашняго преосвященнаго Екатеринославскаго Іова. Среди такихъ непріятностей юный инспек-

торъ искалъ себѣ утѣшенія и ободренія въ уединеніи и молитвѣ, а 24 іюня 1818 года принялъ иноческое постриженіе, съ именемъ Макарія; чрезъ нѣсколько дней онъ рукоположенъ былъ въ санъ іеромонаха. Но неспріятности не уменьшались, а все болѣе и болѣе усиливались; о. Макарія уже открыто преслѣдовали. Тогда онъ обратился къ заступничеству своего любимаго наставника— Филарета и по его ходатайству былъ переведенъ ректоромъ въ Костромскую семинарію.

Въ Костромѣ тамонній преосвященный полюбилъ о. Макарія и вскорѣ же возвелъ его сперва въ санъ игумена, а затѣмъ архимандрита и едѣлалъ настоятелемъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря. Но зато отъ своихъ питомцевъ ему пришлось испытать здѣсь не одно огорченіе. Самъ кроткій и любящій, онъ иногда строго взыскивалъ съ семинаристовъ — будущихъ священниковъ и учителей. Понятно, что нѣкоторымъ изъ нихъ такая строгость своего начальника не нравилась. И вотъ однажды, когда о. Макарій проходилъ семинарскимъ дворомъ мимо семинаріи, кто-то изъ семинаристовъ изъ верхняго этажа бросилъ въ него кирпичемъ. Кирпичъ ударилъ въ плечо: О томъ, какъ огорченъ и обиженъ былъ этимъ о. Макарій, нечего и говорить. Но онъ не поддался гнѣву и раздраженію, не сталъ разыскивать виновнаго, чтобы

наказать его. Онъ только собралъ всѣхъ воспитанниковъ и кротно увѣщевалъ ихъ, указывая, какъ дурно поступилъ бросившій въ него кирпичемъ. Его слова сильно повліяли на семинаристовъ и они измѣнили свое отношеніе къ ректору.

О. Макарій не только училъ и требовалъ, чтобы другіе жили хорошо и поступали справедливо, но и самъ былъ примѣромъ для всѣхъ. Онъ велъ строгую, почти подвижническую жизнь: ѣлъ очень мало, рано вставалъ и поздно ложился. Весь день онъ проводилъ за книгами и за работой. Одѣвался онъ очень просто, совсѣмъ не по сану: круглый годъ онъ носилъ простую монашескую рясу изъ дешевой матеріи.

Суровый образъ жизни, который велъ о. Макарій, значительно разстроилъ его здоровье. Онъ всегда былъ слабъ здоровьемъ, а въ Костромѣ его болѣзни усилились. Вскорѣ по пріѣздѣ сюда онъ заболѣлъ лихорадкой, которая часто возвращалась къ нему и мучила его подолгу. Затѣмъ у него болѣли глаза. Не взирая на это, о. Макарій усердно занимался и возился съ книгами. Помимо другихъ достоинствъ своего характера, о. Макарій былъ очень щедръ и благотворителенъ. Онъ постоянно помогалъ деньгами и бѣднымъ семинаристамъ, и постороннимъ людямъ. Поэтому у него самого никогда не было не только лишнихъ денегъ, но очень

часто онъ просто нуждался въ самомъ необходимомъ. Такъ онъ жилъ въ Костромѣ, больной, но всегда кроткій, благодушный, терпѣливый и отзывчивый на нужды окружающихъ его и строгій и взыскательный къ себѣ самому и своимъ нуждамъ. «Людей злонамѣренныхъ нѣтъ при мнѣ», писалъ онъ однажды изъ Костромы: «одни благодѣтели, другіе пріятели, немного знакомыхъ и одинъ другъ».

Въ 1823 году о. Макарій началъ просить высшее начальство о томъ, чтобы его уволили отъ занимаемой имъ должности и позволили поселиться на покой въ Кіево-Печерской лаврѣ. Хотя и неохотно, но просьбу его исполнили и въ концѣ 1824 года онъ былъ вызванъ въ Петербургъ на череду служенія. Но когда здѣсь о. Макарія захотѣли возвести въ санъ епископа, то онъ рѣшительно воспротивился этому и наотрѣзъ отказался отъ епископства, считая себя недостойнымъ такого высокаго сана, и опять умолялъ дозволить ему поселиться въ Кіево-Печерской лаврѣ. Наконецъ его желаніе было исполнено: онъ былъ уволенъ отъ службы и поселился на жительство въ лаврѣ.

Но вскорѣ мѣстомъ своего жительствова онъ избралъ Глинскую Богородицкую Оптину пустынь, Курской епархіи, гдѣ въ то время настоятельствоваъ благочестивый старецъ Филаретъ. Подъ руко-

водство къ этому-то старцу и переселился о Макарій.

Глинская пустынь, гдѣ поселился о. Макарій, была, по его словамъ, «школою Христовой, въ которую дабы войти надлежитъ умалиться до Христова младенчества». Въ этой-то школѣ иноческой жизни, подъ руководствомъ старца Филарета, о. Макарій прожилъ, проходя разныя монашескія послушанія, до 1829 года. Въ этомъ послѣднемъ году до слуха о. Макарія достигъ призывъ Святѣйнаго Синода на дѣло проповѣди ученія Христова среди дикихъ народцевъ Сибири.

II.

Святѣйшій Синодъ, озабоченный распространеніемъ ученія Христова въ Сибири, по предложенію архієпископа Тобольскаго Евгенія, сдѣлалъ распоряженіе устроить миссію въ южной части тогдашней Тобольской епархіи, въ горахъ Алтайскихъ (на югъ нынѣшней Томской губерніи) *). На проповѣдь Евангелія призывались желающіе по всей Россіи. Призывъ этотъ достигъ и слуха о. Макарія, и достигъ знаменательнымъ образомъ.

*) *Миссією* называется особо устроенная община проповѣдниковъ Евангелія среди невѣрующихъ и непросвѣщенныхъ свѣтомъ ученія Христова народовъ, а саміе проповѣдники называются *миссіонерами*.

Около того времени въ обитель Глинскую зашелъ нѣкто Мартинъ Андреевичъ Атласъ, человѣкъ образованный и глубоко-религіозный, котораго о. Макарій очень любилъ и уважалъ. Теперь онъ странствовалъ по святымъ мѣстамъ. Зайдя въ келлію къ о. Макарію, онъ засталъ послѣдняго за работой, съ перомъ въ рукѣ, приютившимся между печкой и стѣною.

— Что ты, о. Макарій, забился и сидишь тутъ въ темнотѣ? спросилъ Атласъ, входя въ келлію.

— Что мнѣ дѣлать, когда я такъ ослабъ и чувствую, что вездѣ дуетъ, отвѣчалъ о. Макарій.

— Ты человѣкъ просвѣщенный, продолжалъ Атласъ, тебѣ надобно другихъ просвѣщать, а ты засѣлъ здѣсь въ темноту. Иди, проповѣдуй Евангеліе сибирскимъ язычникамъ, вотъ Святѣйшій Синодъ ищетъ такого человѣка.

И Атласъ сообщилъ о. Макарію объ открытіи миссіи въ Сибири и призывѣ Святѣйнаго Синода. Вѣсть эта произвела на о. Макарія необыкновенное впечатлѣніе. И вотъ этотъ слабый отшельникъ, забывъ все свои немощи и недуги, заявляетъ о своемъ желаніи идти на апостольскую проповѣдь въ далекую и суровую Сибирь.

Святѣйшимъ Синодомъ архимандритъ Макарій былъ назначенъ начальникомъ вновь открываемой миссіи. 1 Сентября 1829 года, получивъ благосло-

веніе митрополита Филарета, онъ выѣхалъ изъ Москвы, а 30 сентября былъ уже въ Сибири, въ Тобольскѣ. По приѣздѣ въ Сибирь, о. Макарій сразу же горячо принялся за свое апостольское дѣло проповѣди.

Прежде всего онъ выбралъ себѣ въ сотрудники двухъ молодыхъ тобольскихъ семинаристовъ—Василія Степановича Попова, 22 лѣтъ, и Алексѣя Терентьевича Волкова, 18 лѣтъ. Съ этими молодыми сотрудниками, которые должны были во всемъ слушаться его, о. Макарій, послѣ обѣдни съ молебномъ, получивъ благословеніе Тобольскаго преосвященнаго Евгенія, выѣхалъ изъ Тобольска въ Бійскъ. Путь имъ лежалъ не веселый: они ѣхали Барабинской степью—огромной, болотистой и пустынной. Но это не смутило о. Макарія. Еще на пути, съ повозки, онъ началъ проповѣдь: онъ бесѣдовалъ о вѣрѣ съ ямщикомъ-евреемъ и подготовилъ его къ принятію православія, убѣдилъ одну старуху съ дѣтьми ежегодно говѣть и приобщаться Св. Таинъ, и проч. Въ городѣ Барнаулѣ миссіонеры захватили у соборнаго протоіерея нужныя для ихъ походной церкви вещи и 28 августа приѣхали въ городъ Бійскъ.

По приѣздѣ въ Бійскъ, для о. Макарія сразу началась трудная и заботливая жизнь. Надо было проповѣдывать язычникамъ: татарамъ, теленгутамъ,

киргизамъ и др. Правда, около 300 человекъ изъ нихъ были крещены еще прежде о. Макарія; но послѣ крещенія ихъ мало руководили въ жизни и учили православной вѣрѣ; поэтому они больше числились православными христіанами, чѣмъ были такими на самомъ дѣлѣ, такъ что и этихъ приходилось учить почти заново. И о. Макарій дѣйствительно началъ трудиться и проповѣдывать Евангеліе неутомимо.

Поселенія («улусы») ялтайскихъ инородцевъ были на далекомъ разстояніи другъ отъ друга разбросаны по склонамъ и ущельямъ лѣсистыхъ алтайскихъ горъ, большею частію по берегамъ горныхъ рѣчекъ и ручьевъ, синѣющей ленточкой извиивающихся на днѣ глубокихъ и узкихъ горныхъ долинъ и овраговъ. Собщеніе между ними было возможно только верхомъ на лошади, и то съ величайшими трудностями и опасностями для жизни. Алтай великолѣпенъ, какъ Афонъ: онъ весь усѣянъ горными возвышенностями и скалами, въ разныхъ направленіяхъ перерѣзанными глубокими долинами и ущельями. Долины и возвышенности покрыты дѣвственнымъ лѣсомъ, иногда вѣчно зеленѣющими кедрами, а на свободныхъ отъ лѣсу мѣстахъ устланы разноцвѣтными коврами роскошной растительности; ихъ орошаютъ съ шумомъ скачущія горныя рѣчки и ручьи и никогда не замерзающіе ключи; на самой высотѣ горъ можно встрѣтить глубокія и прозрач-

ныя озера. Высокія скалы острымъ пикомъ уходятъ въ синѣющую высь небесъ, и покрывающіе ихъ вершины вѣковые льды сливаются съ молочнымъ цвѣтомъ облаковъ, а иногда далеко блестятъ на солнцѣ своимъ ослѣпительнымъ блескомъ. Смотри на эти горы, невольно чувствуешь какой-то благоговѣйный ужасъ. Путешествіе по этимъ горамъ, оврагамъ и ущельямъ чрезвычайно затруднительно и опасно. Вотъ какъ описываетъ ихъ сотрудникъ о. Макарія и впоследствии его преемникъ по миссіи— протоіерей Стефанъ Ландышевъ. «У каждаго изъ насъ сердце замираетъ и кружится голова, даже и привычный конь дрожитъ иногда при переѣздѣ по высокому «бѣму»*), особенно когда приходится перескакивать чрезъ большіе камни, высунувшіеся на тропинкѣ, или спускаться внизъ по довольно гладкой каменной плитѣ и дѣлать крутые повороты лицомъ къ обрыву; на такомъ проѣздѣ вполнѣ ввѣряешься коню; но онъ, безсмысленный и голодный, часто тянется за травой,—и удерживать бываетъ опасно, и давать свободу страшно». По такимъ-то путямъ о. Макарію предстояло дѣлать громадныя переѣзды, разыскивая «улусы» кочевниковъ для евангельской про-

*) Это узкая тропинка, въ три четверти аршина или аршинъ шириною, опоясывающая гору, гдѣ по одну сторону тропинки высокая скала, а по другую—отвѣсный обрывъ до рѣки, которая сипѣтъ внизу, какъ ленточка.

повѣди. Когда онъ здѣсь въ первый въ жизни разъ сѣлъ на лошадь, очень смирную, то она, почуя на себѣ неумѣлаго ѣздока, повезла его прямо въ стойло, и лишь при посторонней помощи ему удалось направить ее на дорогу... Протоіерей Ландышевъ рассказываетъ, какъ однажды о. Макарій, проѣзжая по Черни *), зацѣпился ремнемъ бывшей при немъ сумочки со Св. Дарами за сучокъ; конь на бѣгу вышелъ изъ-подъ него, и онъ повисъ на сучкѣ и висѣлъ до тѣхъ поръ, пока не воротился и не помогъ ему стать на землю уѣхавшій впередъ провожатый, который вернулся только потому, что соскучился ждать оставшагося позади о. Макарія, — слабого голоса о. Макарія онъ не слышалъ.

Жилищами для кочевыхъ алтайцевъ служили грязныя берестяныя юрты, въ которыхъ зимою вмѣстѣ съ людьми помѣщались и домашнія животныя (телята, ягнята, собаки, кошки). Огонь въ юртѣ разводился прямо на землѣ, среди юрты, и при вѣтрѣ дымъ отъ костра наполнялъ собою всю юрту и немилосердно бѣлъ глаза непривычнымъ къ нему. Въ юртѣ же кочевникъ развѣшивалъ и мясо подошнаго коня или убитаго звѣря, заготовляя его себѣ въ прокъ. Жилъ онъ въ крайней бѣдности и въ

*) *Черныо* называется гористая мѣстность по правой еторонѣ р. Катуня, покрытая густымъ хвойнымъ лѣсомъ.

еще большей грязи, отъ которой у него развивались разныя заразныя болѣзни, иногда ужасныя.

Языческія вѣрованія инородцевъ были грубы и жалки. Они вѣрили двумъ главнымъ богамъ: Ульденю, главѣ добрыхъ духовъ, и злому Эрлику, который вмѣстѣ съ подчиненными ему многочисленными злыми духами (еткерями) производилъ всякія напасти и бѣдствія; поклонялись они и многому другому, дунамъ умершихъ, «хозяевамъ» горъ, рѣкъ, озеръ, разныхъ болѣзней и проч. Вся жизнь бѣднаго алтайца проходила въ страхѣ предъ безчисленными злыми духами, которые, по его вѣрованіямъ, только и ищутъ случая, чтобы причинить ему какую-нибудь бѣду, и онъ снѣнилъ умиловивать разными жертвами то одного изъ нихъ, то другого, или, при помощи тѣхъ же жертвъ, искалъ заступничества у духовъ добрыхъ. На эти жертвы онъ употреблялъ все лучшее, что только было у него, а самъ продолжалъ влачить самую жалкую жизнь.

Вотъ тѣ условія, при какихъ слабому здоровью о. Макарію приходилось начинать свою многотрудную апостольскую дѣятельность среди дикихъ кочевниковъ. Еще такъ недавно, въ Глинской пустыни, онъ не находилъ себѣ мѣста въ своей кельи, — вездѣ, казалось ему, дуетъ и сквозить. А теперь нужно было верхомъ на лошади переѣзжать цѣлыя сотни верстъ по крутизнамъ Алтая, кочевать по

грязнымъ, смраднымъ, дымнымъ и все-таки до-
нельзя холоднымъ юртамъ, бороться съ укоренив-
шимися заблужденіями, суевѣріями и проч.

Но въ скоромъ времени оказалось, что это еще не
все. Въ Бійскомъ округѣ было много раскольниковъ,
которые переселились сюда, чтобы свободнѣе дер-
жаться своихъ старыхъ обрядовъ. Они встрѣтили
о. Макарія крайне непріязненно, распустили о немъ
слухъ, что это пришелъ антихристъ (котораго не
менѣе самихъ раскольниковъ боялись и инородцы,
наслышавшись о немъ отъ первыхъ), какой-то чаро-
дѣй, который обращается то въ звѣря, то опять въ
человѣка, и всячески старается пренятствовать и
вредить людямъ. Даже нѣкоторые изъ начальствующи-
хъ тамъ на первыхъ порахъ относились враждеб-
но къ проповѣди о. Макарія; напр., одинъ исправ-
никъ, вѣроятно наслышавшись всякихъ басенъ
отъ мѣстныхъ раскольниковъ, грозилъ замучить до
смерти и тутъ же закопать въ землю тѣхъ, кото-
рые вздумаютъ креститься отъ о. Макарія и угрозы
его, конечно, подѣйствовали... «Но Господь силъ
съ нами, заступникъ нашъ Богъ Іѣковль!» гово-
рилъ о. Макарій при видѣ всѣхъ этихъ трудностей
и пренятствій, и съ твердою вѣрою въ помощь и
заступленіе Божіе бодро выступилъ на свое апо-
стольское дѣло. И Господь дѣйствительно хранилъ
Своего избранника и благословилъ святое дѣло его.

Прежде всего о. Макарій принялся учиться говорить по-теленгутски, по-калмыцки, по-татарски, чтобы и теленгуты, и татары и др. инородцы понимали, что онъ имъ говоритъ и чему ихъ учить. Съ этою цѣлью онъ старался какъ можно чаще посѣщать ихъ кочевья и селенія и не опускалъ случая спросить людей знающихъ. Не разъ онъ отпраплялся за 100—150 верстъ, чтобы послушать говоръ какихъ-нибудь инородцевъ и лучше узнать ихъ языкъ. Но больше всего ему помогали въ изученіи разныхъ языковъ и нарѣчій знающіе русскій языкъ инородцы, которыхъ о. Макарій обращалъ изъ язычества въ христіанство. Въ этомъ случаѣ у о. Макарія дѣло шло такъ: онъ училъ какого-нибудь татарина или калмыка истинамъ вѣры Христовой, а самъ въ это время учился у него его языку, т.-е. по-татарски или по-калмыцки.

Господь съ самаго же пачала благословилъ трудъ ревностнаго просвѣтителя: меньше чѣмъ черезъ недѣлю о. Макарій обратилъ въ православіе трехъ инородцевъ, одинъ изъ которыхъ сначала не хотѣлъ и слушать его и былъ очень грубъ съ нимъ. Вскорѣ о. Макарій изъ Бійска отправился въ Улалу къ татарамъ.

Здѣсь, какъ онъ узналъ, жилъ одинъ молодой татаринъ, который немного зналъ христіанскую вѣру и желалъ креститься, но боялся своего отца

язычника. О. Макарій немедля собрался въ Улалу, за 90 верстъ отъ Бійска. Тамъ онъ крестилъ молодого татарина, назвавъ его Иваномъ, и взялъ новокрещеннаго съ собою въ Бійскъ, чтобы утвердить и лучше научить его христіанской вѣрѣ. Къ тому же онъ думалъ оставить его при себѣ переводчикомъ, чтобы онъ переводилъ рѣчи и ученіе о. Макарія татарамъ на ихъ языкъ, а татарскіе вопросы и отвѣты переводилъ бы о. Макарію на русскій языкъ. Но Иванъ переводчикомъ остаться не пожелалъ и впоследствии уѣхалъ къ себѣ въ Улалу заняться земледѣліемъ. А между тѣмъ переводчикъ былъ необходимъ, особенно при переводѣ на инородческіе языки. Вотъ какъ описываетъ эту нужду самъ о. Макарій: «крайняя нужда въ постоянномъ переводчикѣ была чувствуема со времени самыхъ первоначальныхъ опытовъ и дѣйствій миссіи нашей въ здѣшнемъ краѣ. Доселѣ мы какъ бы ходили по-міру и побирались: накопляемое нами собраніе татарскихъ словъ и рѣченій уподоблялось сумѣ нищаго, въ которой куски всякаго хлѣба, мягкаго и черстваго, и пшеничнаго и ржаного, и свѣжаго и загниваго,—все безъ разбора смѣшано, и все вмѣстѣ составляетъ тяжелую ношу. Бѣднякъ, который вздыхалъ прежде, смотря на пустую суму свою, теперь, когда сума его едѣлась полна, опять вздыхаетъ, зная, что носимое

имъ бремя не можетъ освободить его отъ горькой бѣдности... Тутъ были слова кумандицевъ, черновыхъ татаръ, теленгутовъ, алтайцевъ; всякой всячины находилось столь много, что не легко было привести сіе безпорядочное смѣшеніе въ стройный порядокъ. Въ переложеніи Священнаго Писанія на то или другое нарѣчіе не способны были сдѣлать безъ переводчика даже и шагу». Наконецъ о. Макарію удалось найти такого переводчика въ лицѣ новокрещеннаго татарина Феодора, съ которымъ онъ и принялся со всѣмъ усердіемъ за переводъ на татарскій языкъ Евангелія отъ Матѳея.

О. Макарій не оставался по долгу на одномъ мѣстѣ. Кругомъ его лежала тьма непроглядная, тьма невѣжества, суевѣрія и дикости. Отъ рожденія и до смерти инородцы жили впроголодь, находясь въ постоянномъ страхѣ какъ бы чѣмъ-нибудь не разсердить своихъ злыхъ божковъ. Въ этой жизни они не видали почти ничего хорошаго, а о будущей жизни, къ которой христіанинъ готовится, живя на землѣ, они ничего не знали. О. Макарій, конечно, видѣлъ все и болѣлъ о несчастныхъ своимъ любящимъ сердцемъ. Не взирая на свои немощи и разныя препятствія, онъ всегда рвался туда, гдѣ могъ помочь кому-нибудь, даже одному человѣку. Онъ постоянно странствовалъ по крутизнамъ и тропинкамъ Алтая, всюду принося съ собою

миръ, любовь и наученіе. На великій постъ о. Макарій переѣхалъ изъ Бѣйска въ одно укрѣпленіе. Здѣсь же онъ провелъ и Пасху. Эта Пасха была поистинѣ праздникомъ изъ праздниковъ для жителей укрѣпленія. Въ продолженіе всего поста и Пасхи онъ совершалъ богослуженіе, велъ съ ними душе-спасительныя бесѣды и училъ ихъ христіанской вѣрѣ и жизни. Между прочимъ, онъ убѣдилъ двупшекъ пѣть не мірекія, а духовныя пѣсни. Убѣжденія о. Макарія такъ подѣйствовали на нихъ, что онѣ по собственному желанію начали учиться грамотѣ, чтобы самимъ читать священныя книги и учиться. Когда о. Макарій задумалъ оставить укрѣпленіе и переѣхать въ другое мѣсто, чтобы привлекать къ христіанству инородцевъ, живущихъ и въ иныхъ мѣстахъ, сердечно полюбившіе его жители укрѣпленія умоляли остаться у нихъ. Но о. Макарій, заботясь и объ «иныхъ овцахъ», переселился въ селеніе Улалѹ.

Въ Улалѣ, впрочемъ, онъ на этотъ разъ прожилъ недолго. Улалинцы еще не знали о. Макарія. Узнавъ, что онъ хочетъ жить и проповѣдывать въ Улалѣ и окрестныхъ селеніяхъ, они стали бояться, какъ бы онъ не сталъ ихъ притѣснять и силою заставлятъ принимать новую вѣру. Чтобы не быть крещенными, они задумали даже переселиться въ другое мѣсто, въ Кузнецкій округъ. Но

о. Макарій никого не думалъ принуждать и крестить противъ воли. Когда онъ узналъ, что улалинцы боятся его и хотятъ перебраться отъ него въ другое мѣсто, то самъ немедленно оставилъ Уладу и поселился въ Маймѣ. Отсюда, изъ Маймы, о. Макарій, какъ самый заботливый отецъ, наблюдалъ за нуждами и жизнью своихъ духовныхъ дѣтей. Однихъ онъ научалъ трудолюбію и терпѣнію, искореняя привычную у инородцевъ лѣнь, другихъ укорялъ и обличалъ за то, что они не имѣютъ горячей любви къ Богу и къ вѣрѣ. Однажды, въ лѣтнюю пору, въ Майму собралось особенно много народу. Къ вечеру народъ и о. Макарій вышли изъ селенія и расположились подъ горою на берегу рѣки Маймы. Съ помощью переводчика о. Макарій вступилъ въ разговоръ съ инородцами и тѣ сильно жаловались на свою бѣдность и нищету. О. Макарій, какъ могъ, утѣшалъ ихъ и указывалъ имъ, что Отецъ Небесный милостивъ, знаетъ, кому что нужно, посылаетъ человѣку горести и бѣды для его исправленія и въ нужное время всегда явитъ свою милость и помощь нуждающемуся. Разговаривая такъ, о. Макарій съ своими слушателями подходилъ уже къ селу, и вотъ видитъ что ему на встрѣчу несутъ какое-то письмо. Къ великой радости о. Макарія и его слушателей, письмо оказалось изъ Петербурга съ щедрымъ пожертвованіемъ на нужды миссіи.

Обрадованный народъ отправился съ о. Макаріемъ прямо въ церковь, чтобы благодарить Госиода за такую явную Его милость.

О. Макаріій такъ ревновалъ о своемъ дѣлѣ, что всея требы выполнялъ безотлагательно, не обращая вниманія ни на время, ни на мѣсто. Чтобы крестить новорожденнаго, напримѣръ, онъ отправлялся во всякую погоду и во всякое время года за нѣсколько десятковъ верстъ. При этомъ о. Макаріій даже не ждалъ, чтобы его приглашали на требы. Узнавъ, что кто-нибудь нездоровъ или находится въ бѣдѣ, онъ немедленно собирался и ѣхалъ къ нему. Проповѣдывать же и учить о. Макаріій готовъ былъ во всякое время. Какъ-то онъ зашелъ въ татарскую юрту и засталъ тамъ изо всего семейства только одну татарку, которая занималась стращней. О. Макаріій сейчасъ же началъ учить ее христіанской вѣрѣ и та слушала его внимательно; но въ это время лежавшій въ люлькѣ ребенокъ татарки что-то раскричался и мѣшалъ ей слушать проповѣдь. Тогда о. Макаріій началъ качивать дитя въ колыбели, а самъ продолжалъ учить внимательно слушающую его татарку.

Въ другой разъ, будучи на проповѣди въ Томской губерніи, о. Макаріій зашелъ въ одну юрту и засталъ тамъ больного. Послѣ проповѣди и причастія, больной, на глазахъ о. Макарія, скончался.

Христіанскаго кладбища въ этой мѣстности не было, а хоронить покойника не на кладбищѣ о. Макарій не хотѣлъ. Не задумываясь, онъ взялъ покойника въ свою повозку и привезъ его въ село за 60 верстѣ отъ мѣста, гдѣ тотъ скончался, и просилъ священника этого села похоронить его у себя. Боясь, что о. Макарій будетъ часто привозить къ нему покойниковъ, священникъ отказался. Тогда о. Макарій отвезъ покойника дальше, въ деревню за нѣсколько верстѣ отъ села, самъ вырылъ могилу и самъ похоронилъ его.

Дѣтей о. Макарій всегда очень любилъ и съ радостью училъ ихъ грамотѣ и молитвамъ. Одинъ изъ его бывшихъ майминскихъ учениковъ рассказывалъ про о. Макарія, что, бывало, въ Маймѣ придетъ онъ къ знакомымъ и сейчасъ же заведетъ бесѣду съ ребятами: рассказываетъ имъ изъ Священной Исторіи, учитъ ихъ краткимъ молитвамъ, поетъ съ ними «Господи помилуй» и «аллилуія»; болѣе понятливымъ и усерднымъ любилъ давать по кусочку сахару. Позанявшись и поѣвши съ дѣтьми, о. Макарій иногда примется шутить и играть: бѣгаетъ съ дѣтьми по зеленой полянкѣ взапуски, при этомъ показываетъ видъ, что старается перегнать какого-нибудь пятилѣтняго пузана, но не можетъ, и, при общемъ смѣхѣ дѣтей, уступаетъ маленькому бѣгуну... Тутъ опять

раздача сахара побѣдителямъ, — и сколько веселья, сколько радости для ребятишекъ! Веселье бывало въ эти минуты и самъ о. Макарій; его чистая душа радовалась, глядя на невинное веселіе тѣхъ, о которыхъ Христосъ сказалъ: «ихъ есть царство небесное». Зато и дѣти любили о. Макарія.

Другой майминскій житель рассказывалъ о жизни о. Макарія въ Маймѣ вотъ что: «въ Маймѣ о. Макарій въ своей походной церкви каждый воскресный и праздничный день совершалъ рано утреню и потомъ, по маломъ отдыхѣ, обѣдню. Всѣхъ майминцевъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, зналъ въ лицо и по именамъ; требовалъ, чтобы въ праздники всѣ были у утрени и обѣдни, кромѣ тѣхъ, кому никакъ нельзя было придти. Во время утрени о. Макарій пойдетъ по церкви, зорко оглядываетъ всѣхъ молящихся и непременно замѣтитъ тѣхъ, кого нѣтъ, кто не былъ у утрени. Когда эти небывшіе соберутся къ обѣднѣ, то по окончаніи ея онъ выйдетъ изъ алтаря, сердится, ставитъ виновныхъ тутъ же на поклоны, угрожаетъ еще новою епитимією, а въ концѣ концовъ самъ поклонится въ ноги тѣмъ, кого только-что укорялъ, проситъ прощенія за то, что обидѣлъ ихъ, и умоляетъ именемъ Божиимъ ходить усердно въ церковь. Такая доброта и смиреніе архимандрита имѣли благотѣльное вліяніе на

народъ: все старались неопустительно бывать въ церкви у всякой службы».

Алтайскіе раскольники толковали, что о. Макарій антихристъ, что у него на рукахъ и на ногахъ ногти и что онъ имѣеть крылья и можетъ летать, куда захочетъ. Темный народъ вѣрилъ этимъ бреднямъ. Однажды о. Макарію пришлось остановиться для перемѣны лошади въ одномъ раскольническомъ селеніи, но лошади ему не давали. Старуха хозяйка, у которой остановился о. Макарій, обратилась къ нему съ вопросомъ: «ты на крыльяхъ, отецъ, прилетѣлъ къ намъ, али нѣтъ?» О. Макарій отвѣтилъ, что будь у него крылья, ему не была бы нужна лошадь. Тогда старуха спросила, нѣтъ-ли у него ногтей на рукахъ и ногахъ. О. Макарій показалъ ей руки, а потомъ, разувшись, и ноги; старуха, конечно, убѣдилась, что ногтей у него нѣтъ и что это не антихристъ.

Слыша о жизни о. Макарія и сами видя его доброту и любовь къ народу, улалинцы перестали бояться его; напротивъ, они искренно полюбили его и въ 1834 году крестились. Послѣ этого о. Макарій устроилъ свою главную квартиру въ Улагѣ; здѣсь же у него была и церковь. По временамъ онъ проживалъ и въ Маймѣ, гдѣ также была походная церковь. Изъ этихъ двухъ главныхъ своихъ становъ о. Макарій и разъѣзжалъ по Алтаю, научая

инородцевъ православной христіанской вѣрѣ, крестя увѣровавшихъ и щедро помогая имъ въ житейскихъ дѣлахъ и нуждахъ.

За свои самоотверженные труды въ дѣлѣ проповѣдыванія Св. Евангелія о. Макарій не желалъ получать никакихъ наградъ и отличій. Онъ даже положенное ему жалованье отдавалъ цѣликомъ нуждающемуся инородцамъ. Самъ же довольствовался чрезвычайно малымъ. Преосвященный Тобольскій Анастасій, желая видимо для всѣхъ почитать о. Макарія за его неусынные и ревностные труды, намѣревался ходатайствовать о награжденіи его орденомъ. Но о. Макарій, лишь только узналъ объ этомъ, немедленно написалъ преосвященному письмо, въ которомъ молилъ не награждать его никакимъ орденомъ. «Всѣ новообращенные, смиренно писалъ онъ, обращены не мною, но Божиимъ Промысломъ». Сверхъ того о. Макарій опасался, чтобы инородцы не подумали, что миссіонеры проповѣдуютъ слово Божіе изъ-за наградъ и по честолюбію. На этотъ разъ о. Макарія, согласно его желанію, дѣйствительно ничѣмъ не наградили. Но въ 1835 году ему, по повелѣнію Государя, былъ пожалованъ золотой наперстный крестъ, украшенный драгоценными камнями.

Въ 1836 году о. Макарію предложили переехать еще дальше въ Сибирь, въ Иркутскую епар-

хію, чтобы тамъ обращать въ христіанство бурятъ. Хотя и со скорбію, онъ долженъ былъ отказаться отъ этого предложенія, ибо ослабѣлъ силами и зрѣніе его притушилось и онъ уже плохо видѣлъ. Теперь все вниманіе о. Макарій сосредоточилъ на томъ, чтобы какъ слѣдуетъ подготовить къ будущему самостоятельному служенію своихъ молодыхъ помощниковъ, которые должны были послѣ него продолжать его святое дѣло. Но немощи неустаннаго труженика-апостола все болѣе усиливались, зрѣніе ослабѣло, и онъ началъ настоятельно просить Св. Синодъ разрѣшить ему отпускъ въ Москву или Петербургъ для леченія. Хотя и не сразу, однако ему разрѣшили пріѣхать въ Петербургъ для поправленія здоровья. Изъ Петербурга о. Макарій не переставалъ заботиться и печаловаться о своей сибирской миссіи. Онъ послалъ туда собранныя въ столицѣ пожертвованія и писалъ о. Анастасію *): «Нахожу въ душѣ моей желаніе возвратиться къ вамъ, возлюбленные братіе мои о Господѣ; мнѣ нигдѣ такъ не весело положить кости свои, какъ на Маймѣ или на Улалѣ, или гдѣ-либо въ Алтайскихъ горахъ и въ вертепахъ безмолвной черни. Посылаю вамъ немалое пособіе; двѣ трети онаго исключительно

*) На время отсутствія о. Макарія его должность правилъ іеромонахъ Анастасій.

для бѣдныхъ между новокрещенными, а остальную на ваши расходы и на уплату долговъ; изъ Москвы я надѣюсь, если Госнодь благословить, еще прислать къ вамъ». Въ Петербургѣ о. Макарію не посчастливилось. Какъ онъ ни хлопоталъ, чтобы разрѣшили перевести на русскій языкъ Библію, этого сдѣлать не разрѣшили. Свои глаза о. Макарій лечилъ въ Петербургѣ удачно, но зато на него напала лихорадка и мучила до отъѣзда обратно.

На пути обратно въ Сибирь о. Макарій пожилъ нѣкоторое время въ Казани. Здѣсь онъ, несмотря на свои годы, учился татарскому языку, чтобы окончательно изучить его. О. Макарій пріѣхалъ въ Томскъ лѣтомъ, въ ночь на Ильинъ день. Возвратившись въ Майму, о. Макарій вмѣстѣ съ обрадованными майминцами воздалъ Господу горячую благодарность за свое благополучное путешествіе и занялся лучшимъ устройствомъ миссіонерскаго дѣла на собранныя во время поѣздки пожертвованія. Въ Маймѣ была устроена богадѣльня и школа для дѣвочекъ.

Въ школѣ учила одна пріѣхавшая съ о. Макаріемъ изъ Москвы благочестивая и образованная женщина. Она же лечила больныхъ, учила христіанской вѣрѣ майминскихъ женщинъ, читала имъ Св. Евангеліе и др. священныя книги. Самъ же

о. Макарій поселился въ Улалѣ. Отсюда онъ, когда было нужно, ѣздилъ въ Майму и др. селенія. Поручивъ школу для мальчиковъ своимъ помощникамъ, о. Макарій занялся переводами Св. Писанія, именно: онъ переводилъ на теленгутское нарѣчіе Евангеліе, нѣкоторыя апостольскія посланія, псалмы и церковныя пѣснопѣнія, тексты изъ Св. Писанія, св. исторію, краткій катихизисъ, символъ вѣры, десять заповѣдей. Молитву Господню и др. молитвы. Въ то же время онъ занимался и переводомъ всего Священнаго Писанія Ветхаго Завета съ еврейскаго языка на русскій языкъ и неустанно хлопоталъ, чтобы высшее начальство разрѣшило напечатать всю Библію на русскомъ языкѣ. Но въ то время это признавалось неудобнымъ, о. Макарію за его настойчивыя просьбы и требованія было сдѣлано строгое внушеніе. Это послѣднее обстоятельство сильно повліяло даже на кроткую и терпѣливую душу о. Макарія. Уже тринадцать лѣтъ онъ жилъ въ суровой Сибири, отдавшись всею душою просвѣщенію сибирскихъ инородцевъ и улучшенію ихъ тяжелой жизни. За все это время онъ не зналъ ни дня, ни часу покоя. Все время проводилъ онъ въ трудахъ и разбѣздахъ по дикой и пустынной мѣстности, иногда съ опасностью для жизни. Собственнымъ и неустаннымъ опытомъ онъ убѣдился, что учить народъ вѣрѣ можно только на его род-

номъ языкѣ, и потому особенно желалъ, чтобы высшее духовное начальство благословило его трудъ перевода Библии на русскій языкъ. Поэтому-то неодобрительное отношеніе къ его труду такъ сильно повліяло на его впечатлительную душу и слабое здоровье. Силы его начали замѣтно слабѣть. Тогда онъ обратился въ Св. Синодъ съ просьбою, чтобы уволили его отъ должности начальника миссіи; остатокъ дней своей жизни о. Макарій намѣревался провести въ Святой Землѣ, у Гроба Господня. Но Господь послалъ новое бремя своему избраннику: о. Макарія уволили отъ управленія Алтайскою миссіею, но остатокъ дней ему суждено было провести въ Оптиномъ монастырѣ, близъ Болхова, Орловской губ., куда его назначили настоятелемъ. Преемникомъ о. Макарію по миссіи былъ назначенъ, по его указанію, священникъ Стефанъ Ландышевъ, бывшій доселѣ дѣятельнымъ помощникомъ о. Макарія и пользовавшійся его любовію.

Во время своей почти четырнадцатилѣтней миссіонерской дѣятельности на Алтаѣ, о. Макарій съ сотрудниками обратилъ всего 675 язычниковъ. Это небольшая цифра. Но нужно помнить, что о. Макарій *начиналъ* дѣло обращенія и прокладывалъ дорогу будущимъ проповѣдникамъ. Выше уже было сказано, что ему приходилось бороться съ множествомъ препятствій: нужно было выучить незна-

комые инородческіе языки и перевести на нихъ главнѣйшія молитвы и книги Св. Писанія; нужно было пріучить миссіонеровъ жить и дѣйствовать такъ, чтобы инородцы перестали напрасно бояться ихъ, какъ чумы, и полюбили ихъ. Мы уже знаемъ, что улалинцы отъ одного слуха, что о. Макарій будетъ жить въ Улалѣ, хотѣли переселяться въ другое мѣсто. Потомъ, узнавъ о. Макарія не по слухамъ только, но на дѣлѣ, они не только перестали бояться его, но искренно и горячо полюбили. Такъ было не въ одной Улалѣ, а вездѣ. Сначала пугались и бѣгали, а потомъ привязывались и шли къ о. Макарію. Это потому, что о. Макарій самъ любилъ инородцевъ, былъ съ ними кротокъ, привѣтливъ, справедливъ и велъ чистую и святую жизнь. Увидя его жизнь и жизнь новообращенныхъ, узнавъ его хорошенько, инородцы уже перестали думать, что миссіонеры приносятъ съ собою бѣду, что они дѣйствуютъ заодно съ злыми духами и что отъ нихъ нужно спастись. Они напротивъ увидѣли, что отъ миссіонеровъ всѣ получаютъ только добро и помощь, привѣтъ и душевную ласку. А для того, чтобы темные и суевѣрные инородцы стали думать *такъ*, нужно было много и трудовъ, и любви и времени. Поэтому-то о. Макаріемъ обращено сравнительно немного инородцевъ. Зато послѣ него, его преемникамъ, было гораздо легче

вести миссіонерское дѣло. Иностранцы понимали любовь и кротость о. Макарія и слушали его преемниковъ охотно. Съ годами дѣло, начатое о. Макаріемъ, все растетъ и растетъ. До нынѣшняго года въ христіанство обращено около пятидесяти тысячъ чело-вѣкъ. Въ послѣдне время алтайская миссія со-стоитъ изъ 188 миссіонерскихъ селеній, въ кото-рыхъ насчитывается больше двадцати трехъ тысячъ жителей; въ этихъ селеніяхъ — 46 церквей и молитвенныхъ домовъ. Миссія завѣдуетъ 36 учи-лищами, въ которыхъ въ 1892 году обуча-лось болѣе тысячи мальчиковъ и дѣвочекъ. Кромѣ того, при мисіи есть школа (въ г. Бійскѣ), гдѣ иностранцевъ готовятъ къ миссіонерской дѣя-тельности и къ земледѣльческому хозяйству, и дѣт-скій пріютъ (въ Улалѣ).

4 іюля 1844 года о. Макарій навсегда поки-нулъ Сибирь и родную ему алтайскую миссію. Велико было горе и неліцемерна печаль инород-цевъ, навсегда провожавшихъ своего просвѣтителя и благодѣтеля отца Макарія, съ которымъ они такъ свыклись, котораго такъ искренно полюбили.

Вотъ что рассказываютъ о прощаніи о. Макарія съ Алтаемъ и объ устроенныхъ ему народомъ про-водахъ. Передъ тѣмъ, какъ тронуться въ путь, о. Макарій два часа горячо молился на томъ са-момъ мѣстѣ, гдѣ онъ первый разъ отслужилъ

обѣдню, прибывъ въ Улалу. Затѣмъ онъ началъ прощаться сперва съ улалинцами, а потомъ съ майминцами. И улалинцы и майминцы были въ великомъ горѣ и не хотѣли отнестись о. Макарія. Пять верстъ они слѣдовали за его повозкой съ воплями и рыданіями. Въ горѣ и отчаяніи они загораживали ему дорогу, старались удержать повозку и остановить его лошадь, умоляя остаться съ ними. Но это было уже невозможно. О. Макарій, взволнованный и растроганный не менѣе народа, въ послѣдній разъ простился съ провожавшими его и сталъ подниматься на гору. Здѣсь, на горѣ, на самой вершинѣ, онъ еще разъ остановился и оглянулся; вдали виднѣлась Майма, виднѣлось Улалинское ущелье; передъ взоромъ о. Макарія разстилался во всемъ своемъ суровомъ великолѣпнѣи Алтай, которому онъ цѣликомъ, безраздѣльно, отдалъ 14 лѣтъ своей жизни и жители котораго, въ свою очередь, полюбили его, какъ родного отца. Воспоминанія о пережитомъ здѣсь и скорбь разлуки съ покидаемыми духовными дѣтьми овладѣли душою о. Макарія. Онъ преклонилъ колѣна и заплакалъ... Немного успокоясь молитвою, о. Макарій поднялся, въ послѣдній разъ благословилъ Алтай, который тотчасъ же долженъ былъ скрыться отъ его глазъ за горою, и со слезами на глазахъ сѣлъ въ повозку, чтобы продолжать путь. Покидая до-

рогою для него Алтай, о. Макарій молился: «о, Владыко всесвятый, всемогущій, всевѣдущій и всеѣмъ управляющій! Твоей всесвятѣйшей волѣ и благодати благоугодно было поставить меня ничтожнаго на сіе служеніе (т. е. на просвѣщеніе алтайскихъ инородцевъ). Ты Самъ кого избралъ, тѣхъ и призвалъ изъ тьмы заблужденія къ познанію Тебя, Единаго истиннаго Бога во Святой Троицѣ. Ты привелъ ихъ въ святую Твою церковь... О, всесвятѣйшій всемогущій Боже! соблюди, сохрани, покрой и спаси тѣхъ, кого Ты просвѣтилъ мною недостойнымъ! Они еще младенцы, еще плотскіе... Ты Самъ мнѣ далъ крестить ихъ, и опять оставляю ихъ подъ всемогущій покровъ Твой святой»...

III.

Вѣсть о прибытіи въ Оптинъ монастырь новаго архимандрита, о. Макарія, явившагося изъ далекой Сибири, быстро разнеслась по окрестностямъ монастыря. Скоро стали говорить, что новый настоятель человекъ необыкновенный, дивный проповѣдникъ, мужъ учительный, нищелюбивый и праведной жизни. Простой народъ, чиновники, купцы, помѣшники, образованные люди цѣлыми толпами потянулись въ монастырь послушать о. Макарія, поучиться у него, исповѣдать свои грѣхи и скорби и искать утѣше-

нія. Особенно много народа стекалось по праздникамъ.

И здѣсь, въ Оптиномъ монастырѣ, о. Макарій жилъ не для себя, а для всѣхъ окружающихъ его. Ревностно, горячо и любовно началъ онъ просвѣщать свою новую паству, состоящую на этотъ разъ изъ православнаго, но большею частію темнаго люда. Вотъ что рассказываетъ объ этихъ трудахъ о. Макарія одинъ изъ очевидцевъ, протоіерей Остромысленскій. «Послѣ обѣдни выйдетъ, бывало, съ Евангеліемъ на амвонъ и просто и удобопонятно объяснить евангельское или апостольское чтеніе, и чтобы слушатели лучше поняли и усвоили сказанное, нѣсколько разъ повторить одно и тоже изреченіе Священнаго Писанія. Затѣмъ тутъ же обратится къ кому-нибудь: «понялъ ли ты, что говорилъ я? Скажи, не стыдась, что именно понялъ ты изъ евангельскаго ученія?» Отвѣчающему помогаетъ высказаться, повторяетъ одно и тоже и потомъ переспрашиваетъ другихъ, пока не убѣдится, что его поняли. Замѣтивъ кого-нибудь, что стоитъ небрежно, оборачивается по сторонамъ или разговариваетъ, подзоветъ къ себѣ поближе и спросить: «а что сегодня слышалъ и узналъ въ Божіей церкви? Слышалъ ли ты, чему здѣсь учили насъ сегодня Господь Іисусъ Христосъ въ святомъ Своемъ Евангеліи?» — Не получивъ отвѣта,

онъ обращается ко всѣмъ: «послушайте, други и братія! Стыдно намъ и преступно слушать безъ вниманія слово Божіе. Знаете ли, кто здѣсь предъ святымъ алтаремъ учитъ насъ грѣшныхъ? Это — не мы, подобные вамъ и многогрѣшные проповѣдники. Нѣтъ! Насъ учитъ здѣсь самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ. *Не нарицайтесь учителями, единъ бо есть вашъ Учитель Христосъ, всѣ же вы братія.* Какъ же смѣемъ мы не слушать самого Господа Спасителя нашего?...»

Выходя изъ церкви, сообщаетъ тотъ же очевидецъ, о. Макарій приглашалъ къ себѣ въ келлію дѣтей и объявлялъ прочимъ, что всякій, кто пожелаетъ быть у него, можетъ приходить каждый день послѣ обѣдни во всякое время. Дѣтей разспрашивалъ каждога: «Знаешь ли ты какую-нибудь молитву? какъ молишься Богу? умѣешь ли читать?» Если оказывались знающіе Молитву Господню и символъ вѣры, то заставлялъ всѣхъ пѣть и самъ пѣлъ вмѣстѣ съ ними, а знавшимъ молитвы твердо подсказывалъ; затѣмъ училъ съ ними исаломъ «Помилуй мя, Боже», десять заповѣдей, десять изреченій евангельскихъ о блаженствахъ, «Слава въ вышнихъ Богу» и «Тебе Бога хвалимъ». Для облегченія грамотнымъ заучить и вообще для чтенія, молитвы и изреченія Священнаго Писанія были написаны крупными буквами на картонахъ и развѣ-

шаны по стѣнамъ. Иногда онъ занимался съ дѣтьми по цѣлымъ днямъ, и тѣ всегда охотно бѣгали къ нему и учились у него.

Не одни дѣти толпились вокругъ «добраго батюшки» о. Макарія; къ нему отовсюду слѣшили за наставленіемъ и совѣтомъ люди всякаго возраста и званія. И какъ онъ любовно принималъ всѣхъ и какъ задумевно бесѣдовалъ съ ними! Вотъ какъ описываетъ тотъ же очевидецъ эту бесѣду о. Макарія.

«По небольшому крылечку вошелъ я въ переднюю комнату архимандритскаго дома. Изъ ней одна дверь палѣво, въ залу, была растворена настежь. Вижу: вокругъ всей залы сидятъ старцы болховскіе въ глубокомъ молчаніи, а посрединѣ стоитъ аналогій, на которомъ лежитъ Новый Заветъ съ переводомъ по-русски, и скромный послушникъ громко и ясно читаетъ Евангеліе на русскомъ языкѣ. Самого о. Макарія не было въ залѣ. Не смѣя нарушить благоговѣйной тишины слушающихъ слово Божіе, я отворилъ другую дверь изъ передней и вошелъ въ довольно большую комнату. Въ ней никого не было, кромѣ какого-то живописца, который писалъ на картонахъ большими буквами изреченія библейскія и развѣшивалъ ихъ по стѣнамъ.

— Гдѣ о. архимандритъ? спрашиваю его.

— Вотъ, пожалуйста сюда, и онъ отворилъ мнѣ боковую изъ этой комнаты дверь.

Здѣсь меня встрѣтилъ послушникъ о. Макарія и тотчасъ побѣжалъ доложить ему. Съ радуніемъ принялъ меня батюшка и провелъ черезъ залу въ гостиную. Тамъ опять увидѣлъ я толпу гражданъ: какой-то слѣпой старецъ съ поводыремъ сидитъ на диванѣ, другіе стоятъ. О. Макарій велѣлъ всѣмъ подойти ко мнѣ подъ благословеніе и потомъ, посадивъ меня на диванъ, самъ сѣлъ посреди комнаты въ кресло.

— Вотъ, отецъ протоіерей, обратился онъ ко мнѣ: никакъ не выучу болховитянь, не слушаютъ меня!—Ты почему не выучила Молитву Господню? продолжалъ онъ, обратившись къ одной женщинѣ.

Это было началомъ продолжительной его бесѣды съ своими учениками и ученицами. Преназидательная и претрогательная бесѣда!

Черезъ нѣсколько времени изъ залы стали другъ за дружкой входить въ гостиную матери съ маленькими дѣтьми. Съ особенной лаской и кроткой улыбкой подзываетъ къ себѣ о. Макарій малыхъ дѣтокъ и, благословляя каждого, спрашивалъ:

— Знаешь ли ты Молитву Господню?.. Знаешь ли «Вѣрую»?.. Прочитай мнѣ...

А какъ скоро слышалъ умные отвѣты и замѣчалъ въ комъ особую охоту къ ученью, тотчасъ

выносилъ изъ другой комнаты маленькія книжечки (такихъ книжечекъ было постоянно множество въ запасѣ у о. Макарія) и раздавалъ ихъ маленькимъ ученикамъ своимъ.

— Приходи-же ко мнѣ, говорилъ онъ каждому, да смотри-же, приходи ко мнѣ почаще, я еще дамъ тебѣ книжечку... ¶

Одна изъ матерей подвела къ нему маленькую свою дочку, и когда о. Макарій сталъ хвалить умную малютку ея, которая внятно и безъ ошибки прочитала и Молитву Господню и символъ вѣры, мать стала говорить:

— Она-то, батюшка, дѣвочка хорошая, да я-то вотъ, мать ея, великая грѣшница. Я такъ вчера разсердилась на нее, что сказала: «охъ, мору на тебя нѣту!»

Услышавъ слова эти, о. Макарій такъ и вско-чилъ съ своего кресла.

— Какъ? воскликнулъ онъ: ты мать, да сказала на свое дитя: «мору на тебя нѣтъ?»..

— Да я, батюшка... хотѣла та сказать что-то въ свое оправданіе.

— Да что мнѣ тамъ «батюшка!» Ты скажи, какъ смѣла дочери своей пожелать мору?... Иди, молись Богу, молись Матери Божіей!

И взявъ ее за руку, поставилъ на колѣни предъ иконою Богоматери.

— До чего мы доводимъ себя? говорилъ онъ, ходя по комнатѣ и обращаясь ко всѣмъ присутствовавшимъ. — До чего не удерживаемъ языка своего отъ зла? Материнскія уста изрекають морь на дитя свое!

— Да вѣдь, она, батюшка... начала-было опять оправдываться женщина.

— Молчи, молчи! строго сказалъ о. Макарій.

— Да вѣдь она...

— Говорю тебѣ — молчи!

И онъ зажалъ ей ротъ рукою, а самъ сталъ наставлять и вразумлять ее. Но какъ скоро отнималъ руку отъ рта, женщина опять начинала жаловаться на дѣвочку.

— Ну, что дѣлать бѣдному мужу съ такою женою, сказалъ о. Макарій, опять зажимая ей ротъ: не хочетъ слышать наставленій! Языкъ мой — врагъ мой!

Долго говорилъ объ этомъ о. Макарій, и наконецъ отнялъ руку отъ рта. Женщина молчала. Тогда и онъ замолчалъ, и смотря на нее сострадательнымъ взглядомъ, перемѣнилъ тонъ рѣчи своей и сталъ говорить тихо:

— Вотъ видишь ли, какъ ты поумнѣла, какъ разумнѣй стала, когда замолчала? Или не знаешь, что въ молчаніи и кротости весь умъ и красота женщины?

Женщина заплакала. Долго училъ о. Макарій. Женщина упала ему въ ноги. Отецъ Макарій благословилъ ее и малютку, далъ и имъ книжку и отпустилъ.

Такъ продолжалъ о. Макарій духовную бесѣду свою съ гражданами Болхова отъ 12 часовъ дня (когда я пріѣхалъ) до 5-ти часовъ вечера. Потомъ всѣ прочли «Вѣрую» и Молитву Господню и о. Макарій отпустилъ ихъ.

Послѣ обѣда мы пошли было посмотрѣть монастырь, но только что вышли на крыльцо, какъ опять увидѣли толпу гражданъ обоого пола, съ духовными своими нуждами и просьбами пришедшихъ къ о. Макарію. Его снова окружили алчущіе и жаждущіе слова Божія. Между тѣмъ зазвонили ко всенощной и мы всѣ отправились въ церковь.

Хотя монастырь Болховскій за городомъ, далеко за слободою, но церковь была полна молящимися. О. Макарій не пошелъ въ алтарь. Когда началась служба, онъ постепенно переходилъ съ мѣста на мѣсто среди народа и тихо говорилъ что-то молившимся. Я не понималъ, что бы это значило? О чемъ онъ говоритъ имъ? Удивлялся только, что почти каждый богомолецъ, съ которымъ постоитъ онъ, точно какъ оживетъ, начнетъ пламеннѣй и усерднѣй, иной—со слезами молиться Богу. Послѣ

узналъ я отъ одного знакомаго, о чемъ говорилъ съ нимъ о. архимандритъ.

— Онъ подошелъ ко мнѣ, такъ разсказывалъ знакомый, и говоритъ: «ну, какъ ты молишься? Станемъ вмѣстѣ молиться. Говори за мной: «Отецъ Ты нашъ небесный» — Я сказалъ: Отецъ Ты нашъ небесный! — «Нѣтъ, нѣтъ, говоритъ, ты усерднѣй, отъ души скажи», и возвысилъ тонъ голоса: «Отецъ Ты нашъ небесный!» — Я повторилъ уже со вниманіемъ и съ чувствомъ. — «Нѣтъ, нѣтъ, говоритъ, ты еще поусерднѣй и покрѣпче скажи: Отецъ ты нашъ небесный!» — Сердце забилося въ груди моей. Я самъ возвысилъ голосъ и изъ глубины души воззвалъ: Отецъ Ты нашъ небесный! — «Ну, молись такъ, молись!» И пошелъ къ другимъ. «Боже мой! подумалъ я тогда: какія духовныя сокровища въ обителяхъ Твоихъ!»...

Вообще личность о. Макарія и его слова производили необыкновенное впечатлѣніе на всѣхъ, кому Господь приводилъ видѣть и слышать его; предъ нимъ благоговѣли; его поученія были просты, но дышали благодатною силою и вызывали въ слушателяхъ глубокое сокрушеніе и слезы умиленія. Вотъ какъ описываетъ о. Макарія и его поученія другой современникъ-очевидецъ.

«Когда мы подходили къ монастырской горѣ, начался благоговѣсть къ поздней обѣднѣ. Лишь вошли

мы въ монастырскую ограду, зазвонили во всё колокола. Сотни богомольцевъ, ходившихъ по двору, сидѣвшихъ и лежавшихъ, посѣбно устремились къ большому каменному зданію, съ возгласами: «батюшка идетъ, батюшка идетъ!..» За толпою пошли и мы. Здѣсь я замѣтилъ, какъ между раздвигавшеюся толпою, уже на полпути къ церкви, шелъ посѣбными шагами сгорбившійся старецъ, въ рясѣ чернаго сукна, съ откиднымъ воротникомъ, похожей на свитку; на головѣ у него черная шапочка, въ правой рукѣ держалъ онъ простой костыль, а подѣ лѣвою мышкою видѣлась какая-то книга; лица его я не могъ замѣтить тогда, потому что онъ шелъ потупившись. Въ это время многіе изъ богомольцевъ кидались къ его ногамъ, съ словами: «батюшка родимый, благослови!» А нѣкоторыя изъ женщинъ хватали полы ея рясы и цѣловали ихъ. Словомъ—благословіе народа къ этому старцу было велико. Находясь въ молитвенномъ углубленіи и спѣша въ храмъ Божій, казалось, онъ ни на что и ни на кого не обращалъ вниманія. Въ числѣ прочихъ, наконецъ, вошли и мы въ церковь и стали подлѣ клироса. О. Макарій стоялъ уже предѣ мѣстною иконою Спасителя, съ открытою головою, безъ костыля, съ книгою подѣ мышкою. Съ самага начала обѣдни и до тѣхъ поръ, пока не былъ прочтѣнъ причастный стихъ онъ стоялъ

полный богомыслия. Послѣ того, сдѣлавъ три поясныхъ поклона иконѣ, онъ, взошелъ на амвонъ. Мгновенно вся масса народа сдвинулась съ мѣста, и стоявшіе впереди около амвона очутились около иконостаса, такъ что о. Макарій былъ окруженъ слушателями со всѣхъ сторонъ. Пока устанавлилась тишина, онъ пристально всматривался во всѣ стороны. Я ни на мгновеніе не спускалъ съ него своихъ глазъ. Онъ былъ на видъ около 60 лѣтъ, средняго роста, съ небольшою сутуловатостью, голова его украшена достаточною сѣдиною, волосы прядями лежали по плечамъ; лицо его, сухощавое, чистое, и очень пріятное, окаймлено густою съ просѣдью бородою. Когда наступила совершенная тишина, онъ отдалъ имѣвшуюся въ его рукахъ книгу близъ стоявшей дѣвицѣ, одѣтой во все черное; потомъ изъ бокового кармана досталъ футлярчикъ, вынулъ изъ него очки и отдалъ его другой, точно также одѣтой дѣвицѣ. Послѣ этого о. Макарій началъ тонкимъ, замирающимъ голосомъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа», кладя на себѣ медленно крестное знаменіе. Затѣмъ, взявъ обратно у дѣвицы книгу и раскрывъ ее, прочиталъ: *„Слышите, яко речено есть: возлюбиши искренняю твоего, и возненавидиши врага твоего. Азъ же глаголю вамъ: любите враги ваша, благословите кленущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь*

за творящихъ вамъ напасть и изгонящія вы: яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесахъ“... Я постыжился занять мѣсто какъ можно ближе къ самому проповѣднику, и вотъ что услышала изъ предложеннаго имъ теперь собесѣдованія, тщательно записаннаго мною по приходѣ домой.

«А вы, небось, думаете, что незнать какое большое дѣлаете добро, если любите любящихъ васъ? Я же скажу вамъ, что въ вашей любви нѣтъ христіанскаго добра. Почему? А потому, что и язычники, не знающіе Иисуса Христа, дѣлаютъ тоже самое, т. е. любятъ тѣхъ, которые и ихъ любятъ. Да что я говорю: такая любовь —языческая любовь? Нѣтъ, такая любовь есть и у всѣхъ животныхыхъ безсловесныхъ. Развѣ вы не знаете, что овца любить своего ягненка, корова—теленка, волчица—волченка, львица—львенка? Да всякое животное любить свое дитя, а дѣти—свою мать. Нѣтъ, православные, мы христіане, а потому и любовь наша ко всѣмъ безъ разбору людямъ должна быть христіанскою, евангельскою, Божіею. Вы спросите меня: какая же это любовь такая? А вотъ та самая, о которой написано въ этой книгѣ, въ Евангеліи Господа Иисуса Христа, и о которой вы слышали сейчасъ. То есть, если вы будете всѣмъ сердцемъ любить своихъ враговъ, благословлять проклинаю-

щихъ васъ, дѣлать по возможности добро тѣмъ, которые ненавидятъ васъ, и если вы будете молиться за обижающихъ и гонящихъ васъ, ну, вотъ такая то ваша любовь и будетъ любовію Христовою. Вы, пожалуй, скажете: «да какъ же это можно полюбить своего врага, да еще отъ всего сердца? Нѣтъ, это выше нашихъ силъ».

«Да я вамъ не говорю, что можно сдѣлать это заразъ, легко и скоро, и не увѣряю васъ, что вы можете это сдѣлать одними своими силами. Для этого надо призвать въ свое сердце, на помощь себѣ, благодать Святаго Духа. Что же намъ должно сдѣлать, чтобы благодать Святаго Духа вошла въ наше сердце и помогла намъ любить своего врага? Вотъ что: утромъ или вечеромъ, словомъ — когда тебѣ свободнѣе, гдѣ удобнѣе, стань наединѣ на колѣни предъ образомъ Спасителя твоего, или Его Матери, или какого-либо угодника Божія, и помолись, да подольше и потенлѣе помолись, говоря: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, умершій за насъ грѣшныхъ на крестѣ, помоги мнѣ Твоею благодатію полюбить мнѣ моего врага (Ивана или Семена), да и его сердце расположи ко мнѣ!» Помолись часъ, другой и третій, помолись день, другой и третій, помолись полгода, помолись годъ, и когда выйдетъ годовщина — именемъ Божиємъ увѣряю въ томъ, что Духъ Святой сойдетъ на тебя

и расположить тебя къ твоему врагу, а его — къ тебѣ. При томъ, молясь о немъ, ты не будь невнимателенъ къ нему. Идешь ты, положимъ, по улицѣ и встрѣтишься съ врагомъ своимъ, — скинь предъ нимъ свою шапку и поклонись ему, остановись, поведи съ нимъ рѣчь, а если тебѣ свободно, то и позови его къ себѣ... Такимъ образомъ поступаая, ужъ непременно расположишь его къ себѣ и примиришься съ нимъ. Вѣдь если ты будешь избѣгать своего врага, злиться на него и ненавидѣть его, то знай, что напрасно молишься, напрасно ходишь въ церковь, ставишь предъ иконами свѣчи, напрасно говѣешь и приобщаешься Св. Таинъ, потому что Господь не услышитъ твоей молитвы, не приметъ никакой твоей жертвы, не пошлетъ Своего благословенія на домъ твой, и самое принятіе Тѣла и Крови Его послужитъ тебѣ въ судъ и осужденіе. А если — чего Боже сохрани и помилуй! — ты умрешь, не помирившись съ твоимъ врагомъ, съ чувствами ненависти и злобы къ нему, то лучше бы тебѣ не родиться на свѣтъ Божій, не увидишь ты царствія Божія! Аминь».

Окончивъ поученіе и взявъ отъ дѣвушки свой футлярчикъ, о. Макарій пошелъ въ алтарь. Глубоко было вниманіе народа и сильно западало въ его душу слово испытаннаго проповѣдника; я долго

потомъ не могъ придти въ себя отъ сердечнаго умиленія. У многихъ слушателей видны были на глазахъ слезы, а нѣкоторыя изъ женщинъ плакали вслухъ».

Часто по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, выходя изъ церкви, о. Макарій приглашалъ къ себѣ въ келлію какого нибудь нищаго, увѣчнаго, слѣпца или дряхлаго старца, сажалъ его на первое мѣсто и угощалъ его. Да и любимымъ предметомъ его поученій была любовь къ бѣднымъ и увѣчнымъ. «Не забывайте, говорилъ онъ, убогихъ и нищихъ нашихъ собратій, подавайте милостыню, кто сколько можетъ, и всегда и во всемъ прославляйте имя Господа Иисуса Христа». И, подавая милостыню, онъ всегда спрашивалъ: «А въ чье имя, ради кого просишь милостыни?» И когда получалъ въ отвѣтъ: «ради Христа», то, подавая милостыню, говорилъ: «вотъ такъ-то, мой другъ, и всегда проси; прославляйте имя Господа нашего Иисуса Христа. Прими ради Христа!»

При о. Макаріи Болховскій монастырь ожилъ, какъ никогда прежде. Въ немъ съ утра до вечера толпился народъ: кто за совѣтомъ, кто за утѣшеніемъ къ о. Макарію, и всѣхъ-то онъ принималъ, со всѣми бесѣдовалъ, кого нужно—наставлялъ, утѣшалъ, а иногда и грозно вразумлялъ, но лишь только замѣчалъ въ виновномъ сокруше-

ніе, слезы раскаянія, грозная рѣчь его сейчасъ же переходила въ любовную ласку и утѣшеніе, и тотъ уходилъ отъ о. Макарія инымъ человѣкомъ. «Это намъ отца родного послалъ Господь, говорили восторженно болховцы. А посмотрѣли бы вы, сколько дѣтей вокругъ него: сами бѣгутъ къ нему со всего города. И всѣхъ ихъ самъ учитъ: инымъ раздаетъ книжки, другимъ крестики даетъ, иныхъ поставитъ на молитву и учитъ молиться, другихъ грамотѣ учитъ приказываетъ своимъ послушникамъ...»

Подъ обаяніемъ свѣтлой личности о. Макарія, одна изъ просвѣщенныхъ его почитательницъ (П. Бакукина) выразила свои мысли и чувства въ слѣдующихъ стихахъ:

„Я видѣла сего ученика Христова,
Ученика вполнѣ дѣлами и душой...
Какъ безмятеженъ взоръ, какъ тихо, кротко слово,
И какъ онъ полонъ весь надеждою святой,
Довѣрія къ Творцу и къ людямъ снисхожденья,
И чувства братскаго евангельской любви!
Какъ мало онъ цѣнилъ всѣ подвиги свои!
Какая простота и скромность обхожденья!
О, пріими, Творецъ, души благодаренье,
Что видѣла его, что слышать я могла
И сердцемъ понимать слова его святыя!
Священной радостью душа моя свѣтла“...

Людская молва быстро и далеко разнесла славу объ о. Макаріи. Всѣ считали его мужемъ святымъ, прозорливымъ, ибо Господь видимымъ образомъ показывалъ свою любовь къ этому праведнику.

Однажды къ о. Макарію вмѣстѣ съ другими пришелъ одинъ ученый молодой человѣкъ, не то изъ любопытства, не то за совѣтомъ. О. Макарій благословилъ его, потомъ молча устремилъ на него свой пронизательный взоръ. Послѣ продолжительнаго молчанія о. Макарій, усиливая съ каждымъ словомъ свой голосъ, заговорилъ: «А?... Что?... Понимаешь?»... При этомъ онъ погрозилъ ему пальцемъ. Молодой человѣкъ поблѣднѣлъ. «Понимаешь?» повторилъ о. Макарій. Молодой человѣкъ хотѣлъ что-то сказать, но не могъ и заплакалъ. Тогда о. Макарій оставилъ грозный видъ и сострадательно и съ глубокимъ вздохомъ тихо сказалъ ему: «не плачь, молись Господу Іисусу, взявшему грѣхи міра и пригвоздившему ихъ къ кресту».

За святость своей жизни, за учительность и прозорливость о. Макарій пользовался великой любовью и уваженіемъ въ Болховѣ и окрестностяхъ. Вліяніе его на народъ было громадно. Былъ, на примѣръ въ Болховѣ давній обычай, чтобы дѣвушки до замужества не ходили въ церковь. Во время службъ въ праздники онѣ выносили изъ дому скамьи и усаживались на нихъ разряженныя. Къ нимъ

приходили молодые люди и «невѣстались». О. Макарій, конечно, не могъ видѣть этого равнодушно. Онъ самъ во время службы началъ ходить по городу и уговаривать дѣвушекъ бросить этотъ грубый и пелѣный обычай; въ церкви въ проповѣдяхъ онъ тоже обличалъ его, и онъ былъ оставленъ.

Вотъ и еще случай, хорошо показывающій, какимъ вліяніемъ пользовался о. Макарій въ народѣ и какъ все любили и уважали его. Приблизительно за годъ до своей кончины о. Макарій собрался въ Москву. Когда онъ выѣзжалъ изъ Болхова, обыкновенно всегда приходило много народа провожать его и принять отъ него прощальное благословеніе. На этотъ разъ народу собралось еще болѣе, потому что прошелъ слухъ, будто о. Макарій навсегда уѣзжалъ изъ монастыря. О. Макарій уже совсѣмъ готовъ былъ тронуться въ путь. Огромныя толпы народа окружали его. Въ это время какая-то пожилая женщина, пробившись сквозь толпу, бросилась къ ногамъ его и умоляла исповѣдать ее. Напрасно о. Макарій отказывался, говоря, что исповѣдывать можно только по чину, въ епитрахили и предъ крестомъ и Евангеліемъ, и совѣтовалъ женщинѣ исповѣдать свои грѣхи предъ другимъ священникомъ. Женщина со слезами молила, чтобы ее исповѣдалъ самъ о. Макарій. Видя твердое желаніе ея исповѣдаться у него,

о. Макарій предложилъ исповѣдаться вслухъ предъ всѣмъ народомъ, чтобы по окончаніи исповѣди всѣ присутствующіе помолились за нее, какъ и въ Писаніи сказано: *исповѣдайте другъ другу согрѣшенія ваши и молитесь другъ за друга.* На это женщина сказала, что соблазна въ ея исповѣди не будетъ, но что ей стыдно каяться предъ всѣми. О. Макарій возразилъ: «если соблазна не будетъ, но только стыдъ одинъ мѣшаетъ тебѣ выбросить змѣю изъ-за пазухи, значить, ты не боишься этой змѣи и ты не боишься прятать и грѣть ея! Чего стыдишься?» Убѣжденная о. Макаріемъ женщина призналась, что въ молодости, будучи служанкой, она по смерти хозяина украла драгоценный камень.

— Возврати украденное, сказалъ о. Макарій.

Женщина отвѣтила, что возвратитъ некому, потому что всѣ наследники и родственники покойнаго ея хозяина умерли, да и притомъ она продала уже камень.

— Отдай Господу и нищимъ Его, сказалъ о. Макарій.

— Я и сама стала нищая на старости лѣтъ, отвѣтила женщина: попуталъ меня грѣхъ, и съ тѣхъ поръ мнѣ нѣтъ покоя.

Тогда о. Макарій велѣлъ всѣмъ стать на колѣна, а самъ сталъ молиться. Помолвившись, онъ

сказалъ женщи́нѣ, припавшей лицомъ къ землѣ: «проси милостыню; а что соберешь, все отдай бѣднымъ ради своей души, пока не раздашь всѣ деньги, какія выручила ты за проданную жемчужину. Встань, дочь моя, прибавилъ онъ, да обойди всѣхъ братій и сестеръ, которые насъ обступаютъ: они помогутъ тебѣ». Собранныя тутъ же деньги женщина, по указанію о. Макарія, немедленно отдала приходшимъ проводить его слѣпцамъ съ сумами.

Когда о. Макарій тронулся въ путь, окружавшая его толпа заволновалась: «не покидай насъ, батюшка! Воротись къ намъ, родимый!» слышалось отовсюду.

На этотъ разъ о. Макарій воротился къ своей паствѣ въ свой монастырь, но уже не надолго. Въ скоромъ времени Господь взялъ къ Себѣ душу великаго старца. По приѣздѣ изъ Москвы о. Макарій жилъ попрежнему: попрежнему къ нему шли толпы народа за наученіемъ и совѣтомъ, попрежнему онъ училъ молитвамъ и грамотѣ дѣтей, или самъ, или чрезъ своихъ послушниковъ. Обстановка жизни о. Макарія и въ этотъ послѣдній годъ была самая простая и суровая. Онъ слишкомъ мало заботился о своемъ слабомъ и больномъ тѣлѣ: спалъ обычно безъ подушки, на диванѣ или на кровати, не раздѣваясь, при чемъ голова его покоилась или на

ручкѣ дивана, или на спинкѣ кровати. Онъ жилъ и самъ такъ, какъ училъ жить другихъ, и часто говаривалъ: «на что монаху имущество? Ему не нужно ни шкатулокъ, ни кошельковъ; бѣдные и убогіе—вотъ его шкатулки! Что въ нихъ положишь, того не украдутъ воры; то оторвутъ только на томъ свѣтѣ». И дѣйствительно, все имущество о. Макарія состояло изъ одежды, которая была на немъ, да изъ книгъ и тетрадокъ.

О. Макарій давно собирался отправиться въ Иерусалимъ, ко Гробу Господню, чтобы тамъ окончить свои дни. Онъ хлопоталъ объ этомъ и не задолго до своей кончины. На этотъ разъ разрѣшеніе отправиться въ Иерусалимъ ему было дано, и онъ совсѣмъ было собрался отправиться въ путь, но предъ самымъ отъѣздомъ простудился, и ему уже не суждено было выздороветь. Старанія докторовъ остановить болѣзнь были напрасны. Между прочимъ, при постели больного о. Макарія находился докторъ, присланный сюда Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ. Отъ усиленныхъ трудовъ и суроваго образа жизни въ продолженіе многихъ лѣтъ о. Макарій очень ослабѣлъ, и бороться съ недугомъ у него не нашлось силъ. Онъ могъ только съ удивительнымъ терпѣніемъ переносить жестокія боли, и обычное благоговѣйное настроеніе ни разу не покинуло его. Бывало прежде о. Макарій говаривалъ

о своей будущей кончинѣ: «придетъ время, когда и меня позоветъ къ себѣ Господь: Макарій!— Я, Господи! Иди сюда!—И стряхнетъ хилую плоть мою»... Господь судилъ позвать къ Себѣ праведника, вполне подготовившагося къ переходу въ лучший міръ. О. Макарій сподобился принять чисто христіанскую кончину и сомкнулъ свои прозорливыя очи 18 Мая 1748 года. Когда были принесены Св. Дары, о. Макарія, по его просьбѣ, приподняли и онъ, ставши на колѣна, трижды тихо и благоговѣнно поклонился до земли; потомъ сѣлъ въ кресло, умылся, взялъ канонникъ и, прочитавъ молитвы ко святому причастію, приобщился благоговѣнно Святыхъ Таинъ, и опять легъ на постель. Нѣкоторое время онъ лежалъ молча и неподвижно. Вдругъ онъ быстро поднялся и съ радостнымъ выраженіемъ на лицѣ сказалъ: «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!» Это были послѣднія слова старца Божія. Сказавши ихъ онъ тихо склонился на подушку и тихо отошелъ ко Господу, воззвавшему его къ Себѣ въ Свой вѣчныя обители.

По смерти о. Макарія всѣ присутствующіе воочію убѣдились въ необыкновенной бѣдности блаженнаго старца: у него нашлась одна единственная простыня, и та толстая, узенькая и короткая; одѣтъ о. Макарія пришлось въ старое платье, потому что оно было единственное, и на это монашеское обла-

ченіе была падѣта ветхая епитрахиль, которую онъ получилъ при постриженіи въ монашество. По завѣщанію о. Макарія, его положили въ простой, необитый и некрашенный гробъ. Когда о. Макарій хворалъ, его спрашивали, гдѣ онъ желаетъ быть похороненнымъ, на что онъ отвѣчалъ, что ему все равно, гдѣ бы его ни погребли, и лишь чтобы гробъ его ничѣмъ не украшали, а написали на немъ крестъ и слова Господа Иисуса Христа: „*Азъ есмь воскресеніе и животъ: въруай въ Мя, аще и умретъ, оживетъ. И всякъ живой и въруай въ Мя, не умретъ во вѣки*“.

О. Макарій былъ погребенъ въ монастырскомъ соборномъ храмѣ, на правой сторонѣ трапезы, въ склепѣ. Погребеніе совершалъ Орловскій архиепископъ Смарагда, который нарочно для этого прибылъ въ Болховъ. Пресвященный трижды поклонился до земли праху блаженнаго старца и послѣ погребенія, предъ выносомъ изъ церкви, внесъ тѣло царскими вратами въ алтарь, обнесъ вокругъ престола и вынесъ опять въ царскія врата. Потомъ гробъ былъ обнесенъ вокругъ церкви и опущенъ въ гробницу.

Послѣ смерти о. Макарія благочестивые люди и почитатели покойнаго расширили трапезу соборной церкви и устроили два придѣла. Придѣлъ на правой сторонѣ устроенъ въ честь Воскресенія Хри-

стова; подъ престоломъ этого придѣла находится посьщаемая весьма многими, памятующими незабвеннаго о. Макарія, гробница его. На лѣвой сторонѣ придѣлъ сооруженъ въ честь воскресенія Лазаря.

Память объ о. Макаріи не должна умереть, и не умереть въ русскомъ народѣ, которому посвящена была почти вся его достойная великаго удивленія и уваженія жизнь. Въ отношеніи къ себѣ о. Макарій всегда былъ строгимъ, даже суровымъ, требовательнымъ и взыскательнымъ подвижникомъ. Довольствуясь въ жизни самымъ малымъ, онъ требовалъ отъ себя многого, и ему постоянно казалось, что онъ дѣлаетъ мало. Но насколько о. Макарій былъ строгъ и взыскателенъ къ себѣ самому, настолько же онъ былъ снисходителенъ, кротокъ и любвеобиленъ по отношенію къ другимъ и особенно къ простому народу. Щедро одаренный отъ Господа Бога духовными дарованіями, онъ не только не зарылъ ни одного изъ данныхъ ему «талантовъ» въ землю, но и приумножилъ ихъ, по мѣрѣ силъ своихъ. Онъ отдалъ всего себя и всѣ свои силы на служеніе и на пользу ближняго своего. Ближнимъ же для о. Макарія былъ всякій человѣкъ, который встрѣчался ему на его жизненномъ пути, отъ Петербурга, Москвы и Болхова до Алтая въ далекой Сибири. Въ однихъ онъ искоренялъ язычество и суевѣ-

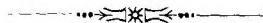
рія и внушалъ имъ правую вѣру; въ другихъ исправлялъ порочную жизнь, третьимъ помогалъ справиться съ нищетою, четвертыхъ училъ хозяйству. Всегда и вездѣ, въ Сибири и въ Олгиномъ монастырѣ, онъ жилъ только для ближняго своего и никогда — для себя.

Со дня смерти о. Макарія прошло уже сорокъ пять лѣтъ, а со дня его рожденія и цѣлое столѣтіе, и въ настоящее время, видя предъ собою многоцѣнные плоды его апостольскихъ трудовъ, мы можемъ свидѣтельствовать, что онъ былъ «свѣтильникомъ міру, стоящимъ высоко на верху горы». Это былъ, по словамъ одного современнаго нашего архимандрита, «образецъ высокаго нравственнаго; совершенства, человѣкъ крѣпкой вѣры, непоколебимой надежды и всегда пламенѣвшей любви къ Господу Иисусу: отъ того-то все дѣла и дѣянія его были во всемъ согласны съ велѣніемъ небеснаго Учителя. Ученіе Христово было въ духѣ о. Макарія, а ученіе о. Макарія въ духѣ Христовомъ». Яркій и живительный свѣтъ этого свѣтильника осіялъ и строилъ ревностно и любовно многія тысячи инородцевъ и оправданныхъ русскихъ, доселѣ сіяетъ и всегда будетъ сіять, доколѣ будетъ храниться среди насъ память о его жизни, трудахъ и мудрыхъ наставленіяхъ. Итакъ, будемъ же поминать, по завѣту св. апостола Павла, великаго наставника

IV 8537.

нашего блаженнаго старца о. Макарія и, взирая на жизнь его, подражать вѣрѣ его, въ полной увѣренности, что онъ не престаеетъ возносить къ Господу горячія молитвы о насъ и о всей державѣ Россійской.

Вл. К—ій.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Октября 1903 г.

Невская типографія Шлиссельб. пр., № 15.

„Читальня Народной Школы“ за 1898 годъ.

- 1) Ужасный день. *К. Станюковича*. 15 к.
- 2) Сельскій староста. *Н. Дружинина*. 12 к.
- 3) Надъ моремъ. *Е. Сысоевой*. 8 к.
- 4) Нашъ Митя. *С. Орловскаго*. 10 к.
- 5) Волостное правленіе и волостной старшина. *Н. Дружинина*. 15 к.
- 6) Эліасъ Гоу — изобрѣтатель швейной машины. 5 к.
- 7) Подвигъ. *Л. Черскаго*. 5 к.
- 8) Изъ жизни *И. С. Никитина*. *Н. Полетики*. 8 к.
- 9) Дѣвочка-бродяга. *Е. Сысоевой*. 12 к.
- 10) Сказка про сову. *К. Сентъ-Илера*. 5 к.
- 11) На волосокъ отъ смерти. *А. Горбачевича*. 15 к.
- 12) Дѣдушкинъ питомецъ. *Клеменса Юноши*. Пер. съ польск. *Кудели*. 15 к.
- 13) Вѣночекъ. Сборникъ стихотвореній для маленькихъ дѣтей. Сост. *Ив. Теохтистовъ*. 20 к.
- 14) Медвѣдица. *В. Рокотова*. 5 к.
- 15) Другъ больныхъ и несчастныхъ—*Ө. П. Галь*. 8 к.
- 16) Избранныя басни Лессинга въ сокращеніяхъ и пересказахъ. 6 к.
- 17) Аисты. Очеркъ *И. Папаянаки*, съ прибавленіемъ сказки *Андерсена* „Аисты“ въ перев. *А. и П. Ганзенъ*. 6 к.
- 18) Ни за грошь погибъ. *А. Горбачевича*. 15 к.
- 19) Настасья Петровна. Очеркъ *А. П. Смирнова*. 5 к.
- 20) Святой Александръ Ярославовичъ Невскій. *А. Тарнавскаго*. 10 к.
- 21) Безсмертный творецъ сказокъ. Картинки изъ жизни *Андерсена*. *Е. С.* 10 к.
- 22) Избранныя сказки *Андерсена*, въ переводѣ съ датскаго подлинника *А. и П. Ганзенъ*. 20 к.
- 23) Коварный журавль. Сказка *С. Сертвеа*. 4 к.
- 24) Два брата. *М. Антонова*. 8 к.
- 25) Переселенцы. *А. Никольскаго*. 8 к.
- 26) Какъ живутъ растенія и травы. Бесѣды сельскаго учителя. Ч. I. *А. Парамонова*. 12 к.
- 27) Четыре разсказа *Андерсена*. По переводу *А. и П. Ганзенъ* излож. *Ив. Теохтистовъ*. 10 к.
- 28) Царица послала! Д-ра *А. Б. Окса*. 15 к.
- 29) Избранныя притчи Христовы. Изложилъ и дополнилъ соответствующими стихотвореніями *Ив. Теохтистовъ*. 8 к.
- 30) О томъ, какъ живутъ деревья и травы. Бесѣды сельскаго учителя. Ч. II. *А. Парамонова*. 7 к.
- 31) Крылья мужества. (Изъ *Жоржъ-Зандъ*). По сокращ. переводу *Е. Сысоевой*. 15 к.
- 32) Находка. Разсказъ изъ времянъ отечественной войны. *Л. Черскаго*. 8 к.
- 33) О томъ, какъ живутъ деревья и травы. Бесѣды сельскаго учителя. Ч. ч. III и IV. *А. Парамонова*. 18 к.
- 34) Старинная повѣсть о добродѣтельномъ Натанѣ и Сказка о Правдѣ и Кривдѣ *Ив. Теохтистова*. 4 к.